
**Беспокойный март владыки Димитрия (Абашидзе):
православное духовенство Крыма
после победы Февральской революции**

Владимир Калиновский, Александр Пученков

**Restless March of Archbishop Dimitri (Abashidze):
Orthodox clergy of Crimea after the victory of the February revolution**

*Vladimir Kalinovsky, Alexander Puchenkov
(both — Saint Petersburg State University, Russia)*

DOI

Степень вовлечённости православного духовенства в процессы, вызванные революцией 1917 г., а также отношение к ней священнослужителей, взаимодействие между представителями государственной власти, Святейшим Синодом и епархиальным начальством, архиереями, приходским духовенством и паствой до сих пор ещё мало изучены¹.

В Крыму всё это осложнялось исторически сложившейся многонациональностью и поликонфессиональностью, а также неожиданной сменой губернатора. В январе 1917 г. Н.А. Княжевич, управлявший Таврической губ. с ноября 1914 г., был назначен одесским градоначальником². Его преемником в конце февраля стал генерал-майор В.В. Бойсман, участник боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой у Чемульпо³, а до того во главе губернии оказался кн. С.В. Горчаков, с 1915 г. занимавший пост местного вице-губернатора⁴. Таврической епархией с 1912 г. руководил архиепископ Димитрий (в миру — кн. Давид Ильич Абашидзе (1867—1942), после принятия великой схимы — Антоний)⁵. Он был известен как активный сторонник монархического движения и почётный председатель Таврического отдела Русского собрания. 1 марта 1917 г. в кафедральном Александро-Невском соборе

© 2018 г. В.В. Калиновский, А.С. Пученков

Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для молодых докторов наук, проект № МД-5771.2018.6. «Духовный форпост России в эпоху войн и революций: православное духовенство Крыма в 1914—1920 гг.».

¹ Попытки проанализировать данную проблему уже предпринимались в отечественной историографии: *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года: (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008; *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Сост. М.А. Бабкин.* М., 2008; *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007; *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): исследования и материалы. М., 2011. См. также рецензии Ф.А. Гайды и А.Л. Беглова на эти издания: *Отечественная история.* 2008. № 5; *Российская история.* 2014. № 4.

² Назначение генерала Н.А. Княжевича // *Южные ведомости (Симферополь).* 1917. № 17. 21 января.

³ О назначении губернатора // *Южные ведомости.* 1917. № 42. 22 февраля.

⁴ Новый таврический губернатор // *Южные ведомости.* 1917. № 48. 1 марта.

⁵ *Дамаскин (Орловский), иеум. Антоний* // *Православная энциклопедия.* Т. 2. М., 2001. С. 615.

Симферополя в присутствии военного и гражданского руководства края владыка Димитрий отслужил панихиду по Александру II⁶. 3 марта в том же храме планировалось торжественное богослужение и выборы церковного старосты⁷, а 5 марта правящий архиерей намеревался провести в здании Таврической духовной консистории общее собрание членов православного миссионерского общества⁸. Однако петроградские события опрокинули эти замыслы. Известие об отречении Николая II и передаче власти в руки Временного правительства пришло в Симферополь 4 марта. В своей телеграмме председателю Государственной думы М.В. Родзянко, посланной 8 марта, архиепископ Димитрий сообщал, что «весть об отречении и существовании Временного верховного правительства» получил в полдень 4 марта и тогда же «беспрекословно принял решение повиноваться»⁹. Владыку беспокоило известие о том, что кн. С.В. Горчаков, «желая закрепить за собой губернаторское место», сообщил в столицу о нежелании архиепископа Таврического оглашать манифест об отречении Николая II и отменять поминовение бывшего императора в церквях епархии. Данные обвинения, по словам преосвященного Димитрия, не соответствовали действительности, так как он лично просил губернатора прислать тексты обращений Николая II и вел. кн. Михаила Александровича для опубликования. Как только они были получены, их в тот же день, 4 марта, разослали по храмам¹⁰. Однако в 11 часов вечера 4 марта архиепископ переговорил по телефону с полицмейстером, высказавшим предположение, что «лучше подождать» и отложить их чтение в кафедральном соборе до торжественного богослужения 9 марта, когда Церковь отмечала память сорока Севастийских мучеников. Характерно, что телеграмма, отправленная владыкой Родзянко 8 марта, заканчивалась словами: «По архиерейской совести заявляю, что я представляю всю важность настоящего момента и зависимость спасения отечества от безусловного добросовестнейшего повиновения новому верховному правительству. Я — русский патриот, и мною будут приняты все меры к проведению в жизнь всех распоряжений нового верховного правительства»¹¹.

5 марта владыка составил «Послание пастве Таврической» с подзаголовком: «Всё для спасения отечества», в котором, по мнению П.Г. Рогозного, можно было усмотреть закамуфлированную монархическую пропаганду¹². По словам М.А. Бабкина, архиепископ «подверг суровой критике правление Николая II»¹³. В «Послании» происходившие в стране процессы сравнивались с событиями Смутного времени и констатировалось, что Бог «положил предел царствованию бывшего государя». «Ныне, — утешал верующих преосвященный Димитрий, — Сам Царь Небесный занял престол русского царства, дабы

⁶ Панихида // Южное слово (Симферополь). 1917. № 1352. 2 марта.

⁷ Выборы // Южное слово. 1917. № 1352. 2 марта.

⁸ Общее собрание // Южное слово. № 1354. 4 марта.

⁹ РГИА, ф. 797, оп. 86, 1917 г., III отд., IV ст., д. 64, л. 37—39.

¹⁰ Между тем 15 марта 1917 г. иерарх сообщил губернскому комиссару, что получил копии актов в 4 часа вечера (Государственный архив Республики Крым (далее — ГА РК), ф. Р-1694, оп. 1, д. 31, л. 141).

¹¹ РГИА, ф. 797, оп. 86, 1917 г., III отд., IV ст., д. 64, л. 37—39.

¹² Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года... С. 43.

¹³ Бабкин М.А. Священство и Царство... С. 285. А.В. Ишин более осторожно пишет, что «в отличие от многих современников, владыка, критически оценивая деятельность ушедшего правительства, вместе с тем отнюдь не спешит “бросать камня” в адрес государя» (Ишин А.В. Два уникальных документа из истории Февральской революции в Крыму // Крымский архив. 2011—2012. № 13—14. С. 35).

Он Единый Всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас бывшими руководителями государственной жизни нашей». Ссылаясь на примеры из Писания, архиепископ Таврический призывал паству сохранять единство и признать новую власть, добросовестно выполняя свои обязанности¹⁴.

Немалое затруднение возникало из-за необходимости молиться во время богослужения за царя и особ Императорской фамилии. 5 марта архиепископ Таврический отправил в Петроград телеграмму, прося Синод сообщить новую формулу поминовения властей, а до получения ответа, посоветовавшись с симферопольскими протоиереями, выработал свою, убрав из прежнего упоминания «благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего императора Николая Александровича» слова «самодержавнейшего» и «нашего». Через секретаря Таврической духовной консистории её тогда же сообщили управлявшему губернией кн. Горчакову, и тот «нашёл её вполне приемлемой»¹⁵. 7 марта в Симферополе была получена официальная телеграмма с составленной накануне новой формулировкой молитвы «об утишении страстей, с приглашением многолетия богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея». В тот же день городское собрание духовенства обсудило порядок её употребления на богослужении, не найдя ничего противоречивого в том, что, по выражению С.Л. Фирсова, «многолетие предписывалось провозглашать временному институту власти»¹⁶. 8 марта по распоряжению преосвященного Димитрия Таврическая духовная консистория разослала через благочинных циркулярные телеграммы с изменённым чином поминовения властей. Соответствующие распоряжения были сделаны по всем учреждениям епархии. Духовенству недвусмысленно внушалось: «Мы с народом, армией и новым правительством»¹⁷.

В тот же день на совместном заседании симферопольской городской думы и представителей общественных организаций многолетних и уважаемый жителями городской голова В.А. Иванов заявил, что архиепископ Димитрий говорил ему о признании Временного правительства и намеченном чтении манифестов в церквях¹⁸. Впрочем, сам владыка на этом заседании не присутствовал. Стройный хор голосов священнослужителей, выразивших сочувствие революции, нарушила лишь проповедь, произнесённая 5 марта в кафедральном соборе архимандритом Адрианом (Демидовичем) — видным черносотенцем, известным далеко за пределами епархии. В начале 1910-х гг., проживая в Киеве, он активно включился в деятельность Союза русского народа, выступал с проповедями и статьями, развивал антиреволюционные и антисемитские идеи, а в публикациях по поводу «дела Бейлиса» критиковал не только «передовое общество», но и полицейское руководство и местную власть, после чего вынужден был переселиться в Крым¹⁹. Показательно, что все крупнейшие крымские газеты написали о проповеди архимандрита Адриана и о негативной реакции на неё местного духовенства, но ни одно издание не рискнуло изложить её содержа-

¹⁴ ГА РК, ф. Р-1694, оп. 1, д. 31, л. 143—143 об., 145 об.—146.

¹⁵ Там же, л. 141.

¹⁶ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 490.

¹⁷ ГА РК, ф. Р-1694, оп. 1, д. 31, л. 141 об.

¹⁸ Заявление архиепископа // Южные ведомости. 1917. Экстренный выпуск № 1. 6 марта.

¹⁹ Кальченко Т. Адриан (в миру Демидович Александр Андреевич) // Чёрная сотня: историческая энциклопедия. М., 2008. С. 18—19.

ние²⁰. Судя по тому, что писал 15 марта архиепископ губернскому комиссару, в ней «были допущены резкие выражения о еврейской национальности и фразы, могущие быть понятыми как выпад против интеллигенции»²¹. Городской голова поспешил донести о поступке архимандрита главе правительства и министру внутренних дел. Речь явно «произвела в симферопольском обществе большое смущение», городские священники публично дистанцировались от архимандрита и заявляли о своём несогласии с ним, а преосвященный Димитрий запретил возмутителю спокойствия любые выступления с церковной кафедры и ходатайствовал о его удалении в другую епархию²². В мае Адриана перевели в Курскую епархию, причислив к братии Глинской пустыни, однако уже в августе он вернулся в Симферополь и тайно поселился на одной из частных квартир, о чём архиепископ сообщил в Святейший Синод и губернскому комиссару²³.

Тем временем, ещё 3 марта, новым обер-прокурором стал В.Н. Львов, а 6 марта Таврическим губернским комиссаром был назначен бывший председатель Таврической земской управы Я.Т. Харченко. Епархиальное духовенство во главе с архиепископом Димитрием (Абашидзе) направило им приветственную телеграмму. Обращение таврического иерарха и многих священнослужителей к обер-прокурору 5 марта завершалось словами надежды: «Светлая заря будущего да воссияет над родиной, и да подаст Господь Церкви Своей святой укрепление и утверждение»²⁴. Вскоре был получен ответ с выражением искренней благодарности²⁵. Любопытно, что никаких посланий главе Временного правительства кн. Г.Е. Львову в марте 1917 г. не направлялось.

7 марта в Симферополе под председательством благочинного протоиерея А. Бычковского состоялось пастырское собрание духовенства, постановившее вновь заявить о подчинении Временному правительству и телеграфировать Харченко о готовности «приложить все силы и честно служить дорогой родине не за страх, а за совесть». Другая телеграмма была отправлена обер-прокурору Львову. На собрании обсуждался также вопрос о представительстве духовенства в городском общественном комитете при городской думе, образованном 5 марта «для обслуживания назревающих нужд населения». Поскольку создание этой организации стало неожиданностью для горожан, в тот день удалось собрать лишь небольшую группу священников, делегировавших в комитет протоиерея Бычковского. И хотя он не считал себя «вполне правомочным» представлять интересы городского клира, 7 марта присутствовавшие на собрании вновь единогласно уполномочили его заседать в городском общественном комитете и заявить там, что «духовенство г. Симферополя вполне подчиняется новому правительству и готово исполнять все его распоряжения не за страх, а за совесть». Вместе с тем, узнав, что в некоторых учебных заведениях случались попытки испортить изображения особ свергнутого царского дома, священнослужители сочли благоразумным в духовных и церковных школах «временно, до утишения страстей», снять эти портреты²⁶.

²⁰ О проповеди архимандрита Адриана // Южные ведомости. 1917. № 55. 9 марта.

²¹ ГА РК, ф. Р-1694, оп. 1, д. 31, л. 141 об.

²² РГИА, ф. 797, оп. 86, 1917 г., III отд., IV ст., д. 64, л. 37—39.

²³ ГА РК, ф. Р-1694, оп. 1, д. 31, л. 157.

²⁴ Приветствие обер-прокурору Св[ятейшего] Синода // Таврический церковно-общественный вестник. 1917. № 8—9. С. 207—208.

²⁵ Ответ В.Н. Львова // Южные ведомости. 1917. № 61. 16 марта.

²⁶ Протокол пастырского собрания духовенства г. Симферополя 7 марта 1917 г. // Таврический церковно-общественный вестник. 1917. № 8—9. С. 209—212.

9 марта в симферопольском кафедральном Александро-Невском соборе архиепископ Димитрий (Абашидзе) отслужил молебен о благоденствии России. Перед его началом были прочитаны манифесты об отречениях, архиерей произнёс речь о причинах и значении произошедших событий, а также о том, как следует относиться к «совершившемуся перевороту» истинным христианам, любящим свою родину. «Высказанные по этому поводу мысли, — отмечалось в местной газете “Южные ведомости”, — владыка Димитрий иллюстрировал примером, в котором сравнил настоящее рождение новой России с рождением в мир человека, появление которого на свет вся семья ждёт долго и с нетерпением. “В таких случаях, — закончил свою речь высокопреосвященный Димитрий, — особенно бережно относятся к виновнице торжества, перенесшей все муки рожденья, и ей является в настоящий момент наша многострадальная родина. Употребим же все усилия, чтобы оградить её от дальнейших тревог и страданий. Счастье и великое будущее России в наших руках, и мы ни на минуту не должны забывать этого в этот великий исторический момент, работая в дружном единении по завету Спасителя”». Богослужение завершилось приветствием губернскому комиссару. Назвав его «неутомимым общественным деятелем, много послужившим земскому делу», архиепископ передал ему Козельщанскую икону Божией Матери и выразил уверенность в том, что «знание и многолетний опыт послужат ему к руководству в новой сфере его деятельности»²⁷. Неудивительно, что Харченко в тот же день телеграфировал обер-прокурору Синода: «После личных моих переговоров [с] местным архиепископом все недоразумения устранены, архиепископ выразил полную готовность подчиниться новому правительству и готовность идти навстречу его начинаниям и распоряжениям»²⁸.

Одновременно в местной печати появился отрывок из письма ректора Таврической духовной семинарии архимандрита Иринарха (Синеокова-Андриевского) симферопольскому городскому голове, в котором опровергались вздорные слухи, будто они с архиепископом «стоят за старый порядок и поминают на богослужениях государя». Ректор, напротив, утверждал, что и он, и глава Таврической епархии признали новое правительство с радостной надеждой, поскольку «много настрадались в эпоху распутищины и протопоповщины»²⁹.

Почувствовав поддержку со стороны светской власти и стремясь соответствовать требованиям времени, архиепископ стал высказывать идеи, в прежние годы не свойственные для этого «правоверного» монархиста. 12 марта после окончания воскресной службы в кафедральном соборе он обратился к пастве: «Церковь, повелевая нам повиноваться властям, по примеру Самого Спасителя, не ставит преград к обсуждению и наилучшему устройению гражданской жизни России и разрешает исповедовать образ мысли как республиканский, так и монархический или конституционный. Перемена власти в нашем отечестве есть дело устройства Божия, и потому мы обязаны повиноваться Временному правительству не за страх, а за совесть, и помочь облегчить ему осуществить намеченные им блага»³⁰. Излагая подробности этого выступления, лесовод А.Н. Углицких привёл весьма характерное рассуждение: «Русское православное духовенство всегда шло с народом и разделяло его участь. Во времена крепост-

²⁷ Молебен в кафедральном соборе // Южные ведомости. 1917. № 56. 10 марта.

²⁸ Цит. по: Соколов А.В. Государство и православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 124.

²⁹ Архимандрит Иринарх о текущих событиях // Южные ведомости. 1917. № 55. 9 марта.

³⁰ В Александро-Невском соборе // Южные ведомости. 1917. № 61. 16 марта.

ного права народ наказывали публично, а нас — в конюшнях... Среди жертв лучшему устройению отечества, сосланных и казнённых, много детей духовенства. Терпя всё и мучаясь нашими народными язвами (несправедливостью бесправия), духовенство терпело и само, но молчало, чтобы не вносить смуту и рознь»³¹. Углицких назвал эти высказывания «золотыми» и, явно находясь в состоянии эйфории, с пафосом заключал: «Вопросов религиозных дыхание момента ещё не коснулось, но коснуться может. Пусть же наша православная Церковь не боится отныне! Слова, о которых здесь возвещается, убеждают нас и должны убедить всех, что в ней, нашей отныне истинной матери-Церкви, хранились, таясь, великие силы духа, которые ныне, при свободе слова, возвеличат нашу всегда скромную и вместе простую православную Церковь»³².

15 марта архиерей сообщал Харченко о том, что 4, 9 и 12 марта им были произнесены «соответствующие переживаемому моменту» поучения, повторявшие в общих чертах «Послание пастве Таврической» (его печатный экземпляр прилагался к письму). При этом указывалось, что 5 тыс. экземпляров «Послания» разосланы по всем приходам епархии (по 10—15 на приход), как и присланные губернским комиссаром тексты присяги. «Да поможет Господь Вам, нашему первому народному правителю губернии, — писал архиепископ, — при участии всех добрых граждан сохранить в губернии спокойствие и порядок и тем содействовать новому правительству в скорейшей победе над врагом и укреплении новых порядков в свободной ныне Великой России»³³. Революционный порыв преобразил и официальный епархиальный журнал «Таврический церковно-общественный вестник». Отныне на его страницах публиковались не только проповеди, богословские трактаты и объявления о службах, но и краткие сообщения об актуальных политических событиях³⁴, а также правительственные указы и декларации³⁵. 19 марта во всех церквях епархии прихожане были приведены к присяге на верность Российскому государству и Временному правительству. В симферопольском кафедральном соборе архиепископ прочёл перед этим послание Святейшего Синода³⁶.

30 марта, узнав, что иеродиакон Кизилташской киновии св. Стефана Сурожского донёс в Отузское правление о том, что настоятель обители игумен Мирон не признаёт Временное правительство и поминает на богослужениях царя, преосвященный Димитрий обратился за помощью к Харченко. По его мнению, иеромонах оговорил настоятеля из личной неприязни и желания подвести его под наказание, чего и не скрывал от монастырской братии. Между тем то, что игумен Мирон принял новую присягу и «беспрекословно молится за новое правительство», должно было свидетельствовать «о личной его преданности России и её правительству». «Если же что-либо подобное, о чём до-

³¹ Углицких А.Н. Думы христианина // Таврический церковно-общественный вестник. 1917. № 10. С. 234.

³² Там же. С. 236.

³³ ГА РК, ф. Р-1694, оп. 1, д. 31, л. 142.

³⁴ Образование Исполнительного комитета // Таврический церковно-общественный вестник. 1917. № 8—9. С. 182—183; Состав Исполнительного комитета // Там же. С. 183; Состав нового правительства // Там же. С. 183—184; Декларация Временного правительства // Там же. С. 184—186; Программа нового правительства // Там же. С. 187—188.

³⁵ Указ Временного правительства об амнистии // Таврический церковно-общественный вестник. 1917. № 8—9. С. 188—191; Декларация Временного правительства о государственных финансах // Там же. С. 192—193; Обращение Госуд[арственной] думы к жителям деревни // Там же. С. 193—194; Заём свободы // Там же. С. 197.

³⁶ Крымский вестник (Севастополь). 1917. № 71(9056). 19 марта.

носил иеродиакон Сергей, и было, — отмечал владыка, — то относится ко времени первых чисел марта, когда вообще духовенство не имело ещё никаких указаний»³⁷. Однако архиепископ явно отставал от стремительно ускорявшегося хода событий: ещё 27 марта Харченко на посту губернского комиссара сменил один из лидеров местных кадетов — ялтинский уездный комиссар и бывший депутат II Думы, полковник Н.Н. Богданов (впоследствии участник Ледяного похода Добровольческой армии и министр внутренних дел Второго краевого правительства С.С. Крыма)³⁸.

Православная Пасха в 1917 г. праздновалась 2 апреля. Беспокойный март не замедлил сказаться на здоровье архиерея: болезнь помешала ему посетить всех, приветствовавших его с Воскресением Христовым, и ему пришлось передать им свою благодарность через прессу³⁹. Тем не менее к этому времени благодаря его умелой политике, ярким проповедям, воззваниям и неоднократным публичным заявлениям о лояльности Временному правительству в Таврической епархии сохранялось относительное спокойствие и даже сложилось гармоничное взаимодействие между духовными и светскими властями, Церковью и обществом. Впрочем, в известной степени это объяснялось замедленной реакцией на революционные события. Уже в апреле 1917 г. наивные надежды рассеялись, уступив место нарастающему ощущению неопределённости и разочарованию, а романтическую эйфорию вытеснило предчувствие большой беды.

---

³⁷ ГА РК, ф. Р-1694, оп. 1, д. 31, л. 151—151 об.

³⁸ *Набоков В.Д.* Крым в 1918/19 гг. / Публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 1(12). С. 232.

³⁹ Южные ведомости. 1917. № 77. 7 апреля.